

А. В. Кононова, г. Тюмень

ГОЛОС А. А. АХМАТОВОЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИРЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ

В 1994 г. в сборнике переводов Дезмонда О'Грэйди, поэта из города Лимерик, были опубликованы его переводы стихов А.А. Ахматовой, в том числе отрывок из третьей главы «Поэмы без героя» под названием «Мой город»: («My city»): «Christmas blazed a bundle of bonfires. / Carousers jumped off bridges for bets / And the City of the Broken Treaty / drifted towards an unknown distinction / up and down the River Shannon» [11: 568]. По словам О'Грэйди, это не только вольный, но и очень личный перевод [11: 567], в котором ахматовский Петербург превращается в родной для ирландского поэта город на реке Шэннон — Лимерик. О'Грэйди «влюбился» в Ахматову во время своего пребывания в Риме и в 1964 г. был одним из тех, кто помогал организовать поездку Анны Андреевны в Италию для получения премии «Этна-Таормина».

Однако, присутствие Ахматовой в ирландской поэзии можно заметить и гораздо раньше. К примеру, в 1933 г. вышла статья поэтессы и писательницы Бланаид Салкелд (Blanaid Salkeld) «Анна Ахматова» вместе с переводами четырех стихотворений. Салкелд пишет: «Анне Ахматовой сорок четыре года. Желаю ей дожить до того времени, когда ее имя станет известно по всей земле!» [12: 55]. Что и случилось, в том числе имя Ахматовой оказалось одним из самых значимых поэтических имен для современных ирландских поэтов. Эхо ахматовского голоса слышится, к примеру, в стихах и эссе Эван Боланд, Тео Доргана, поэта и посла Ирландии в России с 2009 по 2013 год Филипа Макдоны. Ее голос также звучит в нобелевской лекции Шеймаса Хини «Дань поэзии». В нашем докладе мы рассмотрим главным образом диалог с Анной Андреевной в стихах Полы Михан (Paula Meehan), дублинского поэта, для кого Ахматова стала «матерью духа», проводником и наставницей («mother of my spirit, my guide») [6: 33].

Сейчас голос Полы Михан — один из самых оригинальных и ярких голосов в современной ирландской поэзии. Михан родилась в 1955 г. в северной части центрального Дублина (Dublin North Inner City). Позже ее семья переехала в пригород Дублина — Финглас. Окончив Тринити Колледж, Михан поступила в магистратуру университета Истерн Вашингтон в США (1981 — 1983).

Именно в США состоялось первое знакомство молодого ирландского поэта с творчеством А. А. Ахматовой. Позже в одном из выпусков радио-передачи «Картины из памяти» («Painted from Memory») Михан так опишет эту «встречу»: «Когда в начале восьмидесятых годов — трудное для меня время — мне в руки попались стихи Ахматовой, я получила такой заряд энергии, такое живительное чувство силы и значимости поэзии. Ее стихи оказались настолько целительны и дали мне такую ясность направления, что я пообещала себе, и ее призраку, что однажды приеду навестить ее могилу. Я чувствовала и верила, что Ахматова спасла мне жизнь. Таким простым и особенным способом я хотела ее поблагодарить» [7].

Обещание было исполнено в 1991 году, когда Михан удалось приехать в Россию вместе с поэтом Тео Дорганом. Перестройка шла полным ходом, повсюду чувствовались неопределенность и хаос. Ленинград снова превращался в Петербург. Однако, для П. Михан и Т. Доргана город был не только реальным Петербургом того времени, наполненным повседневным перестроечным хаосом — ориентиром ирландским поэтам служили не исторические и политические факты, не реальная география, но русская литература. Для них Петербург был городом Пушкина, Достоевского, Тургенева, Мандельштама и, конечно же, Ахматовой: «Я сложила воедино карту ахматовского города из ее стихов. Я видела ее следы и следы тех репрессий повсюду» [7].

Говоря о пространстве дома, Гастон Башляр заметил: «Через стихи гораздо сильнее, чем через воспоминания, нам удается ощутить поэтическую глубину пространства дома» [4: 6]. На наш взгляд, данная мысль верна и в отношении пространства города, которое может быть выражено наиболее точно только в поэзии. И едва ли кто-то может понять и прочесть город одного поэта лучше, чем другой поэт, даже если этот поэт принадлежит другой эпохе, другой стране, другому языку. Так, благодаря поэтической интуиции и чуткости, несмотря на пространственно-временное расстояние, разделяющее двух поэтов, и даже вопреки ему, Михан удалось придать ахматовскому Петербургу, ахматовской России очертания настолько реальные и живые, что увиденная ею страна отразилась не только в ее собственных стихах, но и в стихах другого ирландского поэта — Мэри О'Мэлли (Mary O'Malley): «I remembered Russia / In last night's firelight, / The Kremlin was festive for me, / the graves eloquent and cold». В действительности, Мэри О'Мэлли никогда не была в России, но вспомнить об этом удается далеко не сразу: «I sat turning it over / In the firelight, / The unwritten movie of it all. / I remembered that you, not I / Had stood at old graves,

danced in the splendour / Of a Kremlin hall <...> Still, I remember Russia / In her poems, your voice» [10: 36]. «Her poems» — это, конечно, стихи А. А. Ахматовой, «your voice» — голос Пола Михан.

Как и для Ахматовой, для Михан город играет невероятно важную роль. Он является не только фоном или местом действия, но и самим действующим лицом (зачастую — главным героем) стихотворения. В 1922 году в книге «Душа Петербурга» Н. П. Анциферов пишет: «[Ахматова] глубоко срослась с своим городом, ввела его в свой мир, наполнилась его образами и так четко ощутила индивидуальность Петербурга, что нашла для него слова, лучше которых трудно найти во всей о нем богатой литературе» [1]. То же самое можно сказать и о Поле Михан. Зная в совершенстве историю города, его характер, она особенно тонко чувствует пульс города и отмечает даже мельчайшие изменения, происходящие в нем. Пола Михан — это именно тот поэт, который мог бы устроить экскурсию по Дублину даже Джеймсу Джойсу, показать ему места, которые, если цитировать поэта Брендана Кенелли, «он не заметил, которые его не интересовали» [5: 25]. Далее Кенелли говорит, что Михан могла бы рассказать Джойсу многое: «*unknown edges of a known world, / some Irish knives waiting / for the appropriate heart, / beggars humming tunes he never heard of, / light stalking / sleep walking / sleep talking / waking up to a world / never seen before / where a shadow slides in a window fades out the door*» [5: 26].

Нож, только и ждущий момента, чтобы вонзиться в подходящее сердце, болезни, безработица, нищета — все это Михан приходилось наблюдать постоянно, живя сначала на северной стороне центрального Дублина, а затем в пригороде Финглас. Позже к этому списку добавились наркотики, в результате чего резко возросло количество смертей среди молодежи. Являясь невольным свидетелем подобных трагедий, П. Михан спрашивала себя, разве можно найти слова, чтобы описать происходящее, разве поэзия способна выразить это? «Реквием» А. А. Ахматовой доказал, что способна [3].

В упомянутой выше радио-передаче Михан приводит отрывки из «Реквиема» в собственном переводе, который временами приобретает пронзительно личное звучание:

*The sky was familiar
I could name all the birds.
I was among my people
My own doomed people* [7].

Это перевод (или вариант) эпитафии «Нет, и не под чуждым небосводом...». На наш взгляд, в данных строках особенно отчетливо слышится голос самой Пола Михан, знающей названия всех городских растений, птиц, следящей не только за судьбой жителей Дублина, но и за судьбой самого города, за изменением его облика. Так, в стихотворении «Death of a Field» Михан оплакивает смерть зеленого поля, на месте которого построили многоквартирные дома, словно смерть живого человека, проговаривая имена всех деревьев и трав, которые вытеснила забетонированная площадка и без которых из памяти исчезнет и само поле: «*The end of dandelion is the start of Flash / The end of dock is the start of Pledge / The end of teasel is the start of Ariel / The end of primrose is the start of Brillo / The end of thistle is the start of Bounce / The end of sloe is the start of Oxyaction / The end of herb robert is the start of Brasso / The end of eyebright is the start of Fairy / Who amongst us is able to number the end of grasses / To number the losses of each seeding head?*» [8: 13].

В данной статье мы не приводим подробный анализ перевода П. Михан, но нам бы хотелось обратить внимание на еще одну интересную деталь — перевод диалога в очереди:

— *A это вы можете описать?*

И я сказала:

— *Могу* [2: 196].

Как правило, вопрос и, соответственно, ответ на него переводятся с помощью модальных глаголов *can* или *could* («Could you describe this?»). Однако, в варианте П. Михан мы видим: «Would you **be able** to describe this?» [7]. Подобная формулировка предполагает не только возможность, но способность описать то, что не поддается описанию. Поэта словно спрашивают: хватит ли вам сил (не только душевных, но и физических), чтобы выразить невыразимый ужас, еще раз — в стихах — пережить его? Поэт отвечает: «I am able».

В стихотворении «Страстная пятница 1991» («Good Friday, 1991») поэт наблюдает, как вытаскивают из дублинской реки Лиффи тело человека. Никто не знает, бросился ли он в реку намеренно или случайно поскользнулся — «еще одна городская тайна» — но его лицо, «белое как снег в Комарово» надолго отпечаталось в памяти поэта: «*Though we glimpsed his face / but briefly, it's there before me now / white as the snow of Komarovo, / his slender drenched body / that no arms can succour, / his song and pattern ended / under the fast spring clouds, / a strong wind from the east / ruffling the low Liffey waters*» [9: 25].

Сравнение «белое как снег в Комарово», возможно, достаточно неожиданное для стихотворения, действие которого происходит в Дублине, однако, оно позволяет, с одной стороны, понять насколько сильное впечатление произвела на поэта смерть неизвестного человека, с другой стороны, увидеть, что ахматовский мир всегда является частью личного поэтического пространства Михан. Даже в том случае, когда присутствие Ахматовой не выражено эксплицитно, диалог с ней не прерывается — не взирая на географическое расстояние между Россией и Ирландией, Комарово и Петербург всегда находятся перед мысленным взором ирландского поэта.

Безусловно, ужасы, выпавшие на долю А. А. Ахматовой, не сопоставимы ни с чем, но ее внутренняя сила помогает справиться с трудностями и испытаниями, с которыми приходится сталкиваться П. Михан. Ее стихи дают не только силу, но опору и утешение:

*I lay my head on Akhmatova's lap,
sob like a child, thumb in my mouth.
She sings me lullabies, eases me into the dark.*

*Mother of my spirit, my guide,
sweet lady smelling of mint and apple,
I lay my head on Akhmatova's lap*

*and sleep. This night the train will reach
the city. I'll find my healer.
I lay my head on Akhmatova's lap [6: 33].*

Литература

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. URL: <http://www.akhmatova.org/articles/antsiferov.htm> (дата обращения: 30.07.2016)
2. Ахматова А. А. Собрание сочинений в двух томах. М.: Изд-во «Правда». Т. 1. 448 с.
3. Беседа с Полой Михан и Тео Дорганом, Дублин, 10 мая 2016 г.
4. Bachelard G. The Poetics of Space. Beacon Press, Boston. 1994. 241 p.
5. Kennelly B. It takes trees in summer // An Sionnach: A Journal of Literature, Culture, and the Arts. Volume 5. № 1–2. 2009. P. 25 — 26.
6. Meehan P. Dharmakaya. Manchester: Carcanet, 2000. 63p.
7. Meehan P. Painted from Memory: at Akhmatova's Grave. Radio Script.
8. Meehan P. Painting Rain. Manchester: Carcanet, 2009. 100p.
9. Meehan P. Pillow talk. Oldcastle, County Meath: Gallery Press, [1994]. 74 p.
10. O'Malley M. A Consideration of Silk. Salmon Publishing, Galway, 1990. 55 p.
11. O'Grady Desmond. Trawling tradition: translations, 1954-1994. Salzburg: University of Salzburg, 1994. 606 p.
12. Salkeld B. Anna Akhmatova // The Dublin Magazine, 8.4. 1933. P. 50–55.

О. М. Любимская, г. Тюмень

«КРОТКАЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «И ЭТИ ГУБЫ, И ГЛАЗА ЗЕЛЕННЫЕ» ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА

К концу 70-х гг. XX века западные литературоведы обратились к вопросу влияния Ф. М. Достоевского на творчество американского писателя Дж.Д. Сэлинджера и наметили новые курсы исследования. Среди текстов, оказавших влияние на писателя, прежде всего рассматриваются романы «Подросток» и «Братья Карамазовы» (Хорст-Юрген Герик (Horst-Jurgen Gerigk) «Подросток»